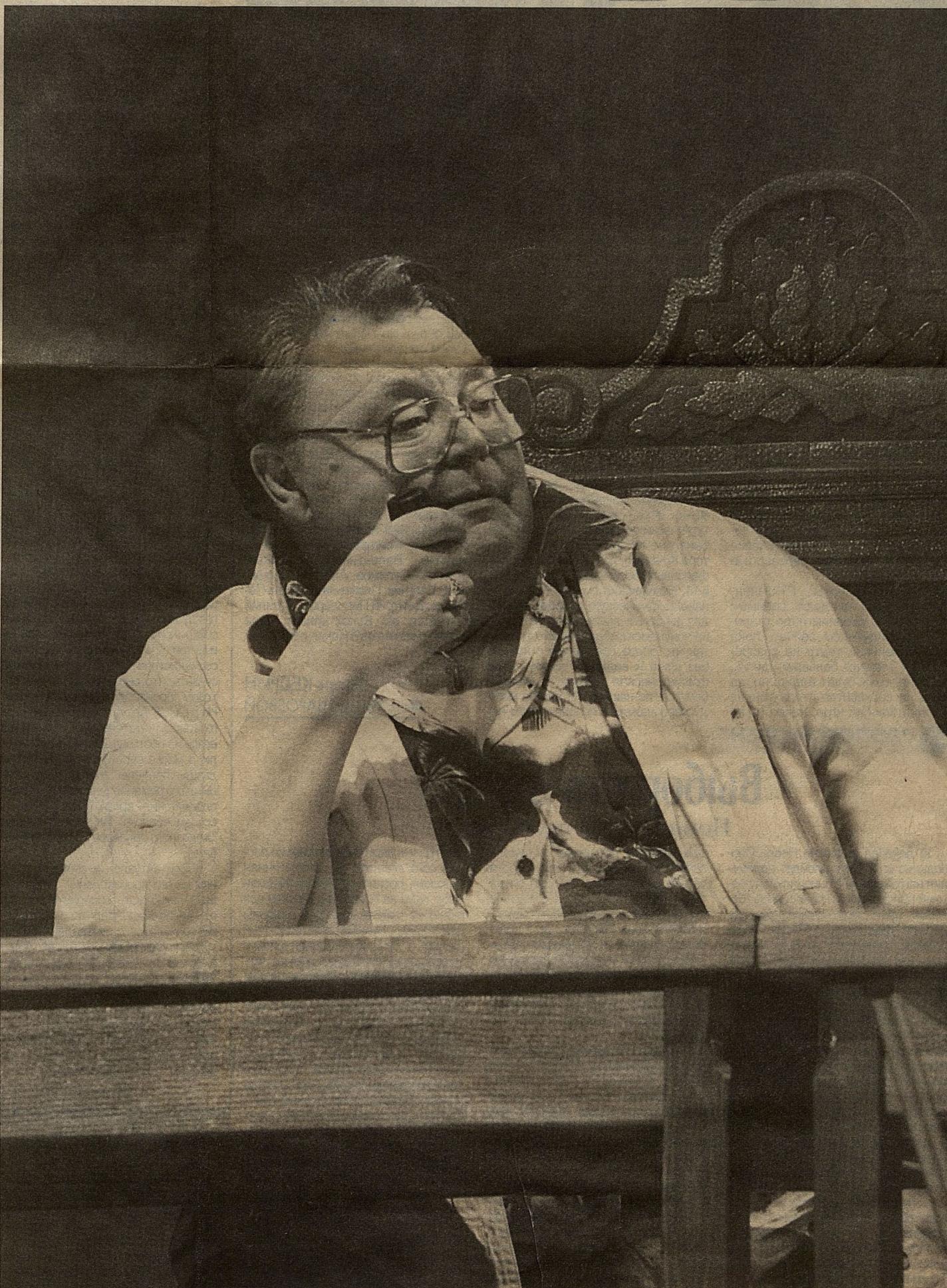

Глория по-русски значит Слава

Вячеславу Невинному — 70

В.Невинный в спектакле Нового драматического театра "Двенадцать разгневанных мужчин"

В одном из давних интервью Вячеславу Невинному задали банальный вопрос: "Почему вы решили стать актером?" Он же, не задумываясь, ответил, что и решать ничего не надо было, он всегда знал, что им будет. Хотя в школьном сочинении однажды "правильно" слукавил: мечтаю, мол, стать комбайнером. Но, по свидетельствам друзей детства, в драмкружке при Дворце пионеров Слава все же играл, а вот стихов с табуретки для умиления взрослых читать не хотел.

Начало взрослой жизни Невинного слегка обломало. Он, конечно же, отправился в Москву, во ВГИК, и... остался за бортом. Не отчаялся. Решил поднабраться практического опыта и год прослужил в Тульском ТЮЗе. И снова в Москву, теперь уже в Школу-студию МХАТа, куда и был принят на курс Виктора Станицына. А с 1959 года, то есть уже 45 лет, Невинный — артист Художественного театра, которому верен как Дому. Хотя и "в гостях" замечен неоднократно — в Новом драматическом театре, антрепризах. Невинный не из тех, кто годами безмолвно ждет ролей или, наоборот, стучит кулаком по столу художественного руководителя. Он знает, что всегда будет востребован — не здесь, так там. Потому что не просто актер классный, но и Личность. Или, как сейчас говорят, фигура харизматическая.

Во МХАТе Невинный с молодых лет стал "первачом". Хлестаков, Чичиков, Мизинчиков, Градобоев и прочие классические господа с ним дружбу водили. В сплоченной команде актеров-"современников", которых в начале 70-х привел в театр его новый руководитель Олег Ефремов, тоже не затерялся. Случались сезоны, когда едва ли не каждый премьерный спектакль был отмечен участием Невинного. Ефремов его любил, роли давал заметные — Петра Себейкина в "Старом Новом годе", Фамусова в "Горе от ума", Варлаама в "Борисе Годунове", Сорина в "Чайке", Епиходова в "Вишневом саде", Чебутыкина в "Трех сестрах". Но даже если случались персонажи практически бессловесные, как Официант в "Мишином юбилее", то и они не прятались в тени много и красиво говоривших прочих. Для Невинного главное — запустить в зал "электрическую дугу", высечь искру живого, сиюминутного общения. Для этого же не всегда нужны слова. Мысль, конечно, тоже необходима, но только эмоционально оформленная.

Своеобразная фактура "большого" артиста поневоле вписала Невинного в амплу комика-простака. Впрочем, в молодости он обладал фигурой стройной. Но потом случилась болезнь, врачи пользовались артиста гормональными препаратами и предупреждали: "Будешь толстый, но бегать сможешь". Он и бегал весьма споро, притом благодаря судьбу, что его актерская индивидуальность "сходится с таким обличьем", что не претендует он на героя-любownika.

А между тем у многих героев Невинного этой любви — "пять пудов". Порой невысказанной, неразделенной, неуместной даже. До сих пор помнится, как в финальном акте "Чайки" его старик Сорин, казалось бы, крепко спящий под пледом, резко вздрагивал и приподнимался, слы-

шав голос обожанной Нины. А его донельзя смешной Епиходов разве не любил по-своему дуреху Дуняшу? А сколько любви к "девочкам" и их покойной матери прорывалось в словах ерничавшего, но насквозь трагического Чебутыкина.

Мало кто заметил, что в какое-то время Невинный начал смело разрушать грань между "комедиантом" и "трагиком". Не изменяя притом собственной манере, но в себе самом открывая новое, незнакомое. Пожалуй, впервые это обнаружилось в спектакле, который так и назывался — "Трагики и комедианты", где Невинный — Мокин был непривычно тих, сдержан и серьезен в своей поздней нелепой любви к молоденькой красотке, которую играла Елена Майорова. Позже был трагический для МХАТа спектакль "Тойбеле и ее демон", где истинный евраск Невинный блестяще сыграл еврейского ребенка — мрачного, отрешенного, непримиримого, но нашедшего в себе мужество, вопреки всем религиозным догмам, отпустить грехи заблудшей Тойбеле — Майоровой. Тогда артист на своей шкуре ощутил, что театр — действительно место мистическое. Эта история давно известна театралам — некий голос по телефону предрекал беды участникам спектакля. Потом погибла Майорова, вслед за ней ушел ее молодой партнер Сергей Шкаликов. А Невинный упал в открытый люк под сцену, получил серьезные переломы и долго не мог избавиться от стресса. Вскоре спектакль сняли.

Вячеслав Невинный очень ценит театральное ремесло. Сам сказал как-то: "Ремесленник — высокое слово. А чтобы зваться Художником, нужно совершить своими работами переворот в искусстве". Согласно известной театральной байке, у плохого артиста — три штампа, у хорошего — тысяча. У Невинного их много, и он мог бы без проблем пользоваться ими в различных комбинациях, оставаясь народным любимцем. Но он искал новое, пробовал, удивлял.

"Забронзоветь" ему не удалось. Помнится, как он в гастрольном кризисе МХАТа по Волге, ничего не предпринимая, собирал в любом городе вокруг себя толпы восторженных поклонников. А потом без всяких комплексов дефилировал по палубе в огромных и трогательных розовых шортах. А в русском ресторане Нью-Йорка, где давали обед в честь визита мхатовцев, коверкая слова, пытался представиться по-английски: "Глория Инносент", то есть Слава Невинный.

Сегодня он почти не выходит на сцену — подводит здоровье. Хотя даже в таком тяжелом состоянии сцена подчас выступает для него целительницей почище докторов. Рассказывали, как на питерских гастролях какого-то спектакля с участием Невинного утром его везли от поезда до машины на специальной коляске, а вечером он играл как ни в чем не бывало. В Художественном театре не теряют надежды на скорое возвращение Невинного, артиста старой школы, которая может дать фору всем новым.

Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

Невинный Вячеслав
1970-е годы режиссер Шкалик Сергей
8.12.09